ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

ДВОЙНЯ В ПОДАРОК 2

СЕМЬЯ

Виктория Волкова

Двойня в подарок-2. Семья

«Виктория Волкова»

2022

Волкова В. Б.

Двойня в подарок-2. Семья / В. Б. Волкова — «Виктория Волкова», 2022 — (Двойня в подарок)

– Почему сразу не сообщила? – киваю на близнецов, спящих в люльках. – Я вроде тоже имею отношение… Обычно с выдержкой у меня полный порядок. Но сейчас жестко плющит от обиды. Зачем ты так, Лерочка? – Откуда… – тянет растерянно. – У меня везде свои люди, – перебиваю резко. – Думала, не узнаю? Серьезно? – Ты же сразу предупредил, что продолжения не будет. – шепчет потупясь. В груди давит от гнева. Даже дышать тяжело. Дети мои, и я не собираюсь от них отказываться.

© Волкова В. Б., 2022
© Виктория Волкова, 2022

Содержание

1 5
2. Мне бы так! 7
3. Мы вместе? 9
4. Хозяйка дома 12
5. Я сверху! 15
6. Одиночество 18
7. Совещания 21
8. Подозрения 24
9. Мама 27
10. Улика 29
11. Опрос свидетеля 32
12. Комбинат. Чтоб ему! 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Виктория Волкова
Двойня в подарок-2. Семья

1

Тимофей

Дождь отчаянно барабанит по лобовому стеклу. Дворники разгоняют потоки воды сначала в одну сторону, потом в другую. Вглядываюсь в свинцовое небо, и на душе становится тревожно. Аж сердце останавливается от безысходности.

«Скоро. Уже скоро», – стучит оно, предвещая беду.

Решительно обрываю глупую панику. О чем волноваться? Лера и дети рядом. Друзья катят сзади. Ничего не предвещает. Но мне это чувство отлично знакомо. Екает в груди тревожный звоночек. Словно предупреждает. Так иногда бывает перед совершенно провальными процессами.

«Забывай», – советует здравый смысл. А рука инстинктивно ложится на Лерину коленку.

– Принесла же их нелегкая, – намекая на родственников жены, отряхиваюсь я от грустных размышлений.

– Они не уедут, – вздыхает Лера, поворачиваясь ко мне. Смотрит жалостливо, словно сама виновата.

– Не думаю, – отмахиваюсь я легкомысленно. – Нашли тебя. Перед соседями отчитаются и забудут.

– Вы ошибаетесь, Тимофей Сергеевич. Мои родственники никуда не денутся. Вышла б я замуж за обычного человека, они бы с Ниной умотали первым же поездом.

– Может, их выслать под каким-нибудь предлогом? – вздыхаю я театрально.

– Они противные, – напоминает Лера, как будто я этого сам не знаю.

– Хорошо, что ты сбежала ко мне, – целую ее наспех на светофоре.

Лера отвечает таким же поспешным поцелуем. А когда машина трогается, проводит ладошкой по моему бедру. Жест немного наивный и детский. А моя жена – точно не умудренная опытом жрица любви. Но от простой ласки сердце выпрыгивает из груди.

Закричать хочется от счастья. Что там орут балбесы в таких случаях? Я самый счастливый человек в мире?

Но нельзя. Дочки спят.

Улыбаясь, вглядываюсь в зеркало заднего вида. Два идеальных пупса сопят в автолюльках. К моему плечу на короткий миг прислоняется голова жены. На автомате чмокаю в макушку.

Повезло!

Душу затопляет любовь. Но уже поднимает голову чуйка.

Не обольщайся, Морозов!

«Где я мог налажать?» – размышляю я, подъезжая к дому. Дело Анквиста подано в кассационный суд. И там мы выиграем без вариантов. Контора моя теперь переписана на Леру и работает в штатном режиме. Дети и жена здоровы. Что еще?

«Откуда прилетит?» – строго спрашиваю я интуицию. Но она молчит, зараза. Ну и ладно! Глупо переживать заранее.

Выдыхаю, стараясь не расплескать теплоту, переполняющую душу.

В доме мы с Лерой внезапно остаемся одни. Редкий случай. Обычно на первом этаже у нас полно народу. А сегодня вдруг тишина. И дочки спят.

– Иди ко мне, – прошу жену, шагнув почти вплотную.

Прижимаю к себе. Зарываюсь пальцами в длинные шелковистые волосы.

– Давай оторвемся, пока никого нет, – подмигиваю я заговорщицки.

– Сейчас Надя придет, – печально вздыхает Лера и добавляет негромко: – Я все думаю о маме и Нине. Они снова заявятся…

– А ты? – спрашиваю, проводя пальцем по кончику носа.

– Не хочу их видеть. Как будто что-то обломилось, – честно признается жена. Обвивает обеими руками мою шею. Тянется с поцелуем.

Крышу сносит капитально. Сейчас бы послать всех подальше и запереться в спальне.

– Если ты не хочешь, никто в этот дом не войдет, – заявляю я строго. А пальцы игриво пробираются под майку жены. – У нас есть свои границы, и мы не позволим их нарушать даже родственникам. Это понятно? – шепчу хрипло.

Жена слабо хихикает, старается держаться, но я же вижу, как она расстроена. И какой надо быть сволочью, чтобы бросить родную дочь в сложной ситуации. Не помочь…

– Не переживай, – утыкаюсь носом в макушку. Прокладываю по шее дорожку из мелких поцелуев. Осторожно веду пальцами по позвоночнику. Лера обвивает руками мою талию. Прижимается всем телом. Прячет лицо на груди.

Замираю, стараясь выровнять дыхание. Запереться в спальне сейчас не светит. Но от этой женщины меня вставляет не по-детски. Хорошо, я вовремя женился на ней.

– Ты лучше подумай о празднике. Можем устроить выездную церемонию в загородном ресторане, а хочешь, на недельку смотаемся куда-нибудь на острова, – предлагаю я, стараясь отвлечься.

– А тебя отпустят? – с надеждой поднимает голову Лера. – Правда?

– Ну не сейчас, конечно, – вздыхаю я, в который раз кляня себя за добровольно надетое ярмо. – А летом обязательно возьму отпуск. Мне по законодательству положен.

– А если не дадут, подашь жалобу в трудовую инспекцию? – улыбается жена. В глазах загораются озорные искорки.

– Вот именно! – выдыхаю я, целуя в лоб. И добавляю ворчливо: – Позвони Щербининой. Пусть задержится…

Лера послушно тянется за сотовым. А я, не теряя времени, дергаю шнурок на спортивных женских брюках.

– Тима, погоди, – смеется жена, убирая в сторону мою руку.

– Дай сюда, – тянусь я к Лериному телефону. Нужно дать Надежде сегодня выходной. У нас тут любовная терапия намечается.

Но в нагрудном кармане куртки дребезжит сотовый. И каждый вибрирующий звук смешивается с ударом сердца, заставляя трепетать от тревоги и безнадежности.

«Вот оно», – услужливо подсказывает чуйка.

Морщась, вытаскиваю айфон. Как дурак пристально вглядываюсь в знакомый номер.

– Да, слушаю! – роняю я резко и уже знаю, что услышу в ответ.

– Тимофей Сергеевич, мне очень жаль, – басит трубка и добавляет поспешно: – Вы можете приехать? Или мы пришлем представителя?

– Сейчас буду, – отрезаю я, отстраняясь от Леры. Бездумно таращусь по сторонам.

– Что? – вскидывается жена и добавляет решительно: – Тима, подожди. Я с тобой.

2. Мне бы так!

Тимофей

Мама… Что там говорит врач? Слушаю вполуха. Одно ясно, ее мучения закончились. А мне так и не удалось проститься с ней. Состояние было стабильное! Вот я и не подумал.

Выборы, семья, освобождение Феди Анквиста. Какие-то важные дела. Все это занимало меня больше.

А мама? Казалось, она будет вечно. Пусть даже старенькая и не в себе. Но я знал, что она есть.

А теперь…

– Что? – охает Лера и тут же добавляет поспешно: – Тима, подожди. Я с тобой.

– Мама умерла, – бросаю я порывисто.

И тут же жена кидается ко мне. Обнимает. Целует. И ревет белугой.

– Тимочка, мой дорогой. Как же так?

– Она болела. Отмучилась, – с трудом выдавливаю я из себя каждое слово. А сам еще до конца не осознаю, что все кончилось.

Кончилось.

– Ты в больницу? Я поеду с тобой, – взволнованно тараторит Лера. – Сейчас Наде позвоню, пусть придет побыстрее.

– Оставайся дома с детьми, – прерываю я нервирующую трескотню. Мне бы сейчас в тишине побыть. Подумать. Повспоминать.

Жена смотрит на меня ошалело. Даже замирает на месте от неожиданности.

– Ни к чему лишние хлопоты, Лер, – замечаю я миролюбиво. – Я сам съезжу в клинику. Подпишу бумаги и обратно. Толку тебе сидеть в коридоре?

– Ну если так, – грустно улыбается Лера. Смотрит виновато. – Я думала…

– Пока одна канцелярия. А завтра все остальное решим.

Осторожно целую жену в лоб. Простой, ничего не значащий поцелуй. Вдыхаю ставший привычным запах чистых волос и примешанный к нему аромат цитрусового шампуня.

На короткий миг прижимаю Леру к себе, грубым наскоком впечатывая в себя тело жены.

– Лера, Лерочка, – шепчу я, изнемогая от боли.

Тонкие пальчики проворно бегут по моей спине, шее. Оглаживают затылок.

– Тимочка, родной, – тихонечко скулит Лера. Приподнявшись на носочки, тянется с поцелуем.

Накрываю ее губы своими. Грубовато вторгаюсь в рот. Мне бы сейчас…

Отрываюсь неохотно.

Там мама. А я о всякой фигне думаю.

– Я поехал, – роняю я, отстраняясь. И добавляю нехотя: – Да не волнуйся ты так. Итог был предсказуем. Только я надеялся на хоть какое-то просветление. Хотел с дочками познакомить…

– Жалко, – печально тянет Лера, обнимая себя обеими руками.

– Ляг отдохни, – киваю я напоследок.

И скатившись с лестницы, в коридоре сталкиваюсь с Богданом.

– Ты чего такой? – изумленно спрашивает друг.

– Мама, – бросаю я негромко. Только одно слово. Но Дан все понимает правильно.

– Я с тобой, – заявляет он решительно.

Киваю, натягивая куртку. И обернувшись, натыкаюсь на Леру, стоящую посреди лестницы. Вытянувшись по струнке, жена застывает лишь на секунду. В карих глазах плещутся недоумение и обида.

«Как маленькая девочка, честное слово», – морщусь я мысленно.

Наши взгляды встречаются на один короткий миг. И Лера, вспыхнув как спичка, разворачивается и несется наверх.

– Детский сад, блин, – бухтит Богдан, выходя из дома.

Понурив голову, иду следом.

Вот чего обиделась? Да еще в такой момент!

Но разбираться нет времени и сил. Потом все равно скажет, не вытерпит.

– Помнишь, твоя мама про нас говорила: «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней»?

– Она много чего говорила! – улыбаюсь я через силу. Щелкаю брелком, открывая Крузак.

– Я поведу? – предлагает Дан.

– Не-а, я сам, – мотаю головой. – За рулем мне лучше.

Печально оглядываюсь на дом. Его для матери построил отец. Замечаю в окошке жену. Подняв руку, машу на прощанье. Лера в ответ шлет воздушный поцелуй.

«Моя крепость», – размышляю я, цепляясь взглядом за резной конек мансарды. Рассматриваю панорамные окна первого этажа.

«Наша крепость», – поправляюсь поспешно. Никому не позволю навредить моим жене и дочкам.

Перед глазами тут же появляется расплывшееся в улыбке лицо тещи. Или кем она там мне приходится?

«Тоже мама. Только Лерина», – размышляю я дорогой.

– А помнишь, как тетя Роза нас ругала, когда мы в лес пошли за земляникой?

– Ага, – киваю я, улыбаясь. – Да она просто ангел… была, – добавляю с горечью. – Сколько нам тогда исполнилось? Пять или шесть?

– Вот и я о том же. Это ж надо додуматься, удрать из детского сада и пойти в лес!

– Я бы сдох, если б мои красавицы такое отололи, – выдыхаю я чистосердечное.

– Ты, я смотрю, образцовымпапашей заделался, – усмехается Дан. – Выиграешь приз «Отец года».

– Почему, собственно, года? – хмыкаю я самодовольно. – На всю жизнь!

– Ты же обещал матери, что никогда не женишься и детей не заведешь, – фыркает Богдан.

– Наврал, ваша честь, – усмехаюсь горестно и добавляю со вздохом: – Они теперь там и видят нас.

Поднимаю палец вверх и чувствую, как захлестывает острая боль утраты.

Стискиваю зубы, смаргиваю подкатившие слезы. Сжав руль покрепче, вспоминаю родителей.

Будто снова вижу их наяву. Молодых, красивых, счастливых.

Если вдуматься, люди прожили вместе больше сорока лет. Не изменяли друг другу. Как попугаи-неразлучники, были зациклены друг на друге. Жили, строили, не замечая людской зависти и козней.

«Мне бы так!» – думаю мечтательно. И сам себя ловлю на странной мысли.

Любви не существует? Правда, Фей?

3. Мы вместе?

Лера

Сжав губы, смотрю в окно, как муж с Даном усаживаются в Крузер.

«Мне велел оставаться дома и спать, а сам поехал с Даном. Получается, его выбрал. Не меня!» – с головой захлестывает обида. И жгучая ревность. А плечи опускаются от отчаяния.

Муж выбрал не меня.

Я привычная к такому повороту. Но сейчас нестерпимо больно. Все-таки надеялась, что в собственной семье я у мужа на первом месте.

Нет, я, конечно, все понимаю! Они – друзья с детства. И Богдан хорошо знал Розалию Тимофеевну. А я даже не была с ней знакома.

Но мне хотелось быть рядом. Как там в старых брачных клятвах: «В горе и в радости». Осекаюсь, вспоминая наше «волшебное» бракосочетание. Какие клятвы и церемонии? Морозов поступил так, как ему взбрело в голову.

А теперь отверг.

Где-то внизу хлопает калитка, а затем входная дверь.

– Лера! – негромко зовет Надежда.

На ватных ногах спускаюсь вниз.

– Давай чаю попьем, – предлагаю ей.

– Не хочу, – мотает она головой. Отряхнув клеенчатый плащик, вешает его на дверь в кладовку. – Я дома поела, – добавляет, будто оправдываясь, и замечает печально: – Ужасная новость.

– Ты уже знаешь? – охаю я в изумлении.

– Шанск – город маленький, – усмехается Надя, обувая пушистые тапки. И поясняет, как маленькой: – Дан с дороги написал.

– А-а, – тяну я, заходя на кухню. На автомате открываю холодильник. Выуживаю оттуда вчерашние пироженки, сыр, мясную нарезку.

– Посиди со мной, – прошу я Надежду. – Малышки спят. Кормить их нескоро.

– Хорошо, – вздыхает она и, усевшись за стол, жалобно тянет: – Рано ушла тетя Роза. Могла еще пожить. На девчонок полюбоваться…

– Да, конечно, – соглашаюсь я на автомате. Смотрю на еду, расставленную на столе, и кусок не лезет. От волнения сводит внутренности в тугой узел, а горло запечатывает ком, сотканный из обиды, ревности и отчаяния.

Мне бы сейчас к Тимофею. Обнять его. Сжать ладонь. Просто быть рядом. Но он решил иначе.

Дрожащими руками кладу ломтик запеченного мяса на кусок ржаного хлеба. Наливаю чай из пузатого чайника. И с ужасом смотрю на еду.

– Не могу есть, – честно признаюсь я Надежде.

– Давай, – кивает она на мою тарелку. – Тебе надо девчонок кормить.

– Тяжело, – вздыхаю я невольно.

– Тиме сейчас тяжелее, – понимает мое признание по-своему Надежда. – Ты должна его поддержать, Лера.

«Я не нужна ему!» – хочется закричать.

«Одна поездка – еще не повод», – напоминает здравый смысл.

Откусив бутерброд, жую на автомате. Даже вкуса еды не чувствую.

– Надо, значит надо, – кисло улыбаюсь я Надежде. И осекаюсь, когда в коридоре приглушенно звякает домофон.

– Ешь, я открою, – подскакивает она с места. С кем-то переговаривается негромко. Открывает калитку.

«Как у себя дома», – думаю раздраженно. И выглянув в окно, замечаю, как по дорожке спешат расстроенные соседи.

Вот только сейчас не хватало наплыва скорбящих знакомых!

В доме новорожденные дети. Наверняка кто-то чихает и кашляет. Надя должна понимать…

– У нас так принято, – оправдывается она. – Народ переживает.

Киваю, но внутри просто взорваться готова.

Люди! А я нет? Да и Тимофею сейчас полный дом гостей просто необходим.

– Вот интересно, – роняю я, включая чайник. – Если бы у среднестатистической тети Дуни кто-то помер, все бы точно так же пришли? Или только к мэру города?

– Не злись, тебе не идет, – печально улыбается Надежда. – Тут только свои. С нашего квартала. Ты их тоже знаешь. У нас так принято…

– Понимаю, – вздыхаю я тихо. Наблюдаю, как дом постепенно заполняется соседями. Меня обнимают, тормошат, рассказывают какой-нибудь эпизод из жизни покойницы. А мне ничего не остается, как поить народ чаем, печально кивать и помалкивать.

Не нравится мне это! Сейчас бы лучше в тишине побыть. Мне и Тиме. Возиться с дочками, неспешно беседовать.

– А это еще кто? – настороженно крякает сидящий напротив дядя Коля. – Надюш, посмотри. Вроде не из нашенских.

– Лер, твои, – обескураженно роняет Надежда и добавляет скороговоркой: – Видимо, кто последний заходил, калитку не захлопнул.

«И что теперь делать?!» – стараюсь не заорать я. В ужасе гляжу, как озираются по сторонам мама и Нина. Не проходят, но и не отступают.

Выйти к ним? Объяснить, что не звала в гости? Так уже через пять минут весь Шанск будет знать, какая злыдня жена у мэра! Родную мать на порог не пустила.

Но и общаться не хочется. Это все равно как змей приютить.

Но и сделать ничего не могу. Ситуация безвыходная!

Нехотя бреду в коридор. И накинув ветровку, выхожу навстречу.

– А мы к тебе, Лерочка! – ласково сообщает мама. Но на меня не смотрит. Жадным взглядом окидывает дом, качели, кусты смородины.

– А ты тут хорошо пристроилась, – пыхтит недовольно Нина.

– Проходите. Будьте гостями, – бросаю я, стараясь соблюсти приличия. Пытаюсь не обращать внимания на выпады сестры.

Сейчас из кухни за мной наблюдают несколько пар глаз. И не успею я войти в дом и сказать хоть слово в свое оправдание, как сплетни снежным комом понесутся по Шанску.

– А где Морозов? – требовательно спрашивает Нина, семеня вслед за мной на высоких каблуках.

– Уехал по делам, – роняю я, не оборачиваясь.

И войдя в дом, киваю на полную народа кухню:

– Проходите.

– А что тут у тебя происходит? – недовольно интересуется Нина. Но мама ее незаметно одергивает.

– Чай? Кофе? – строго спрашивает появившаяся в дверях Надежда.

Мама растерянно улыбается. Садится на краешек табуретки.

– Водички, если можно, – просит жалостливо.

– А вы кто будете? – по-свойски интересуется дядя Коля.

– Моя мама. Ольга Владимировна, – представляю я поспешно. – А это Нина, моя сестра…

– Родня, значит. Самая близкая, – подытоживает дядя Коля. – Это хорошо. Особенно сейчас.

Сжимаю губы, стараясь не ляпнуть лишнего. Да кому какое дело, какие у меня отношения с родственниками? Но бесцеремонность посторонних людей меня бесит.

Может, Тимофею они родные и близкие. Но мне-то чужие!

– Молодцы! Сразу пришли поддержать, – кивает толстая Анжелика Акимовна из дома наискосок.

– Да, конечно, – кивает мама.

По глазам вижу ее растерянность. Она понятия не имеет, что произошло. Но так правдоподобно поддакивает. Рядом грациозной статуэткой застыла сестра. Аккуратно пьет чай из сервизной чашки. Молча оглядывается по сторонам.

Красивые. Почти идеальные…

Но у меня по поводу Нины нет никаких сомнений. Она обязательно отберет у меня то, что ей понравилось. Так всегда было. И будет!

«Погоди, – останавливаю саму себя. – Не паникуй по глупости. Ну запала она на Тимофея. Ну и что? Ты – его жена. И любит он тебя!»

«Ага, любит, – ною от безысходности. – А ехать со мной не захотел. Зато с Даном сразу же согласился…»

От едкой горечи, скопившейся в душе, чуть не реву от отчаяния. Прислонившись спиной к косяку, обнимаю себя за плечи, стараясь не выплеснуть кипящий шквал негодования. Чувствую, как в позвоночник упирается деревянная лутка. Словно напоминает.

Ты жива. Просто дыши.

Ловлю свое отражение в зеркальной горке. Бледная, испуганная, печальная.

«Где ты, Тима?» – мысленно зову мужа. И хочу только одного. Уткнуться сейчас в широкую грудь любимого. Прижаться всем телом. Ощутить кожей его дыхание. Почувствовать, как крепкая ладонь ложится на мой затылок. А губы сминают мои в поцелуе.

«Где ты, Морозов?» – вздыхаю я от безысходности и в который раз за сегодняшний вечер хочу убедиться в самом главном.

Мы любим друг друга. Мы вместе!

4. Хозяйка дома

Лера

В кармане двойным плачем взрывается радио-няня. Отлепившись от косяка, несусь наверх.

– Лерочка, я помогу, – слышится сзади мамин голос.

– Нет! Я сама! – отрезаю я, не замедляя шага. – Надь, останься тут… – кричу нашей няне, подорвавшейся следом.

Переодевание и кормление много времени не занимает. Я уже привыкла управляться сама. Мне несложно. Наоборот, здесь, с дочками, спокойнее и лучше Маленькие принцессы улыбаются радостно.

И подхватив малышек на руки, усаживаюсь на диван.

– Тихо, котятки, – прошу я, перекладывая их рядом. Быстро задираю майку, расстегиваю лиф.

«Экспресс-метод кормления двойни», – улыбаюсь невольно, когда два маленьких ротика, как по команде, одновременно захватывают соски.

А я, прикрыв глаза, пытаюсь унять навалившийся невесть откуда страх. Мать и сестра заявились к нам домой неспроста. А значит, нужно быть готовым к сплетням и гадостям.

«Ну предположим, Тима им не поверит, – отмахиваюсь я легкомысленно. – А остальные – неважно!»

Где-то неподалеку слышатся шаги. Неужели мама или сестра? И выдыхаю, когда в детскую входит Тимофей. Усталый и бледный.

Сейчас бы кинуться к нему. Обнять. Но девчонки еще сосут требовательно, и я не могу сдвинуться с места.

– Странный метод кормления, – пыхтит недовольно муж и тут же интересуется раздраженно – Что за нашествие у нас в доме? Нафиг ты напустила столько народу, Лера? – А сам, застыв в дверях, даже шаг навстречу не делает.

«Я еще и виновата!» – вспыхиваю я мгновенно.

– Я? – охаю я, шелестя одними губами, и добавляю поспешно: – Это Надя!

– Но хозяйка здесь ты, а не Щербинина, – холодно отрезает муж, выходя из комнаты. – Должна понимать…

«Даже не спросил, чем помочь», – вздыхаю я горько. Инстинктивно прислушиваюсь к каждому движению Тимофея. Вот зашел в санузел. Вот хлопнул дверью в гардеробной. А когда раздаются шаги на лестнице, уныло опускаю голову.

Так и не вернулся к нам.

– Как вы тут? – слышится от двери бодрый голос Надежды.

– Побудь с девочками, а я спущусь к Тиме, – прошу я няньку.

И уложив дочек на коврики с игрушками, бегу вниз. А там, в коридоре, Тимофей уже прощается с соседями.

Застываю в сторонке, как вкопанная. Но крепкие руки мужа выдергивают меня из толпы. Сгребают в охапку.

Прижавшись к теплому боку, чувствую, как отступают прочь тревоги.

«Интересно, а где мама с Ниной?» – думаю я, осматриваясь по сторонам. И натыкаюсь на темный от злости взгляд сестры.

«Ну и глазей! Тебе тут точно ничего не обломится!» – сообщаю ей мысленно.

Вполуха прислушиваюсь к разговорам.

– Послезавтра в час дня, – вещает соседям Тимофей, технично выпроваживая их из дома.

А когда народ расходится, берет мою ладошку в свою лапищу.

– Покормишь? Устал как собака, – признается он в сердцах. Вглядываюсь в понурое, осунувшееся лицо. В глазах плещется боль, а губы сложены в тонкую складку, придающую Тимофею отстраненный и жесткий вид.

«Ты не такой!» – хочется закричать от отчаяния и страха.

– Согреть борщ или курицу с пюре? – уточняю я несмело.

– Да что дашь, – лениво тянет Тимофей и добавляет со вздохом: – Очень тяжело, Лерочка.

Поддавшись сумасшедшему порыву, целую ладонь мужа. Затем покрываю быстрыми поцелуями лицо.

– Тимочка, мой дорогой! – тараторю я, обхватывая небритые щеки ладонями.

Легкая щетина немного щекочет кожу, словно напоминая.

Жизнь продолжается. Мы – вместе.

Муж увлекает меня в темную гостиную. Один рывок – и я тут же оказываюсь прижатой к широкой груди.

Яростным поцелуем Тимофей сминает мои губы. А затем, услышав голоса, отстраняется.

– Экстренная реанимация в условиях цыганского табора, – усмехается он невесело. – Пойдем. Люди ждут.

А на кухне уже согрет борщ. Расставлены тарелки. Богдан хозяйничает как у себя дома. И мама, надев мой фартук, моет посуду после вселенского чаепития.

Идиллия!

Вот только мне становится не по себе. Трясущейся рукой наливаю борщ по тарелкам. Сперва Тимофею, потом Богдану.

– Там у нас вроде оставались соленые огурцы, – тянет тот, поднимаясь. Ленивой походкой идет к холодильнику и торжественно оповещает всех собравшихся: – Моя мать передавала…

– В судке на верхней полке, – отвечаю на автомате.

Сажусь рядом с мужем. Любуюсь, как он жадно ест. И отодвинув пустую тарелку в сторону, внимательно смотрит на мою мать.

А та уже самозабвенно вытирает чашки. Ставит их на поднос.

– Вы надолго в Шанск, Ольга Владимировна?

Дергаюсь инстинктивно. Я их друг другу не представляла. Да и маму по имени-отчеству не называла никогда в разговоре. Значит, мой великий и ужасный Морозов наводил справки. Собирал досье. А мне даже словом не обмолвился. Да еще у меня выспрашивал. Вопросики задавал. Наверняка сверял полученную информацию.

Противно! Как же противно, когда близкий человек ведет двойную игру.

– Так мы к Лерочке приехали, – весело тараторит мама. Улыбается, словно безумно рада нашей встрече. – Мы с Ниной помочь хотим. С малышками пообщаться. Надеюсь, не стесним…

«Да ну?!» – хочется заорать мне. Но рука мужа ложится мне на коленку. Пальцы легонько сжимают кожу, словно предупреждают.

Молчи. Я сам.

– А где вы остановились? – сумрачно интересуется Тимофей. Тянется к тарелке с огурцами. Выуживает самый маленький.

– Хрустят, – откусывая, улыбается он Богдану. – У тети Гали все засолки суперские.

– Мы только сегодня приехали, – встревает в разговор Нина. – В полицию шли, когда на вас в парке наткнулись. Эта красавица, – кивает на меня недовольно, – с Моторной переехала, а телефон отключила. Вот ищи ее потом по всему городу…

В голосе сестры слышится плохо скрытое презрение. Но хуже всего, что она пытается призвать Тимофея в союзники.

Мерзкая гадина. Ненавижу ее!

– Минутку, – выставляет ладонь Тимофей, коротким жестом пресекая разглагольствования Нины. – Я вас не спрашивал, Нина. Ольга Владимировна? – буравит мать взглядом.

– Ниночка все правильно говорит, – охает та, натыкаясь на равнодушный взгляд моего мужа, и добавляет, спохватившись: – Мы примерно на месяц рассчитывали…

Замечаю изумленное лицо сестры. Но Нине удается совладать с собой, натянув резиновую неискреннюю улыбку.

– Да, да, – кивает она.

Но даже мне понятно. Перед нами разыгрывается спектакль. Немного домашних заготовок, а остальное – импровизация.

– С жильем в Шанске вы еще не определились? – уточняет Тимофей, внимательно оглядывая мою родню.

– Есть кое-какие варианты, – театрально вздыхает мама. – Но со своей семьей всегда лучше… В тесноте, да не в обиде, как говорится.

«Она точно решила поселиться здесь!» – охаю мысленно. Перевожу обалделый взгляд на мужа.

– Ну я понял, – усмехается он криво и, повернувшись к Богдану, командует невесело: – Что у нас на Моторной, Дан? Ты клининг вызывал? Квартиру убрали?

– Ага, там все пучком, – не отвлекаясь от тарелки с борщом, рапортует, жуя, Столетов.

– Тогда после ужина отвези туда Ольгу Владимировну и Нину, – замечает Тимофей и лениво поясняет моим родственницам: – Квартира там хорошая. Три комнаты. Вам будет удобно. А к нам милости просим в гости. Надеюсь, такой вариант всех устроит.

– А здесь нам места нет? – с театральной горечью роняет мама. Откладывает в сторону полотенце. Демонстративно оглядывает кухню, которая по размерам не уступает квартире родителей.

Тимофей задумчиво смотрит, будто видит мою мать впервые. Улыбается светски холодно.

– Вы совершенно правы, – кивает он коротко. И всем своим видом дает понять, что разговор окончен.

А я почему-то жду продолжения.

«Уезжайте, – прошу мать и сестру. – Сейчас самое время обидеться, возмутиться плохим приемом и уехать!»

Но мама довольно улыбается и произносит приторно-ласково:

– Спасибо, Тимофей Сергеевич… А то от Леры нашей не дождешься.

5. Я сверху!

Тимофей

Мама…

Никак не могу свыкнуться с этой потерей. Просто в голове не укладывается! Ничего же не предвещало. Сердце здоровое. Могла бы еще жить и жить.

Путала меня с отцом, но главное, была рядом.

И хоть итог предсказуем, как давно убеждает меня Витя, но от этого не легче. Нутро раздирает от боли и выворачивает наизнанку. Душа болит от скорби и одиночества.

Ушла… Насовсем! Никогда не вернется.

«Неужели этот гадский день закончился», – думаю я, утыкаясь носом Лере в макушку. Вдыхаю запах волос, чуть отдающий цитрусовым ароматом. Руки привычно задирают пижамную майку и ложатся на упругие полушария. Пальцы нащупывают соски, мгновенно превращающиеся в горошины. Прижимаюсь всем телом. Ошалело глажу бедро, опускаю руку ниже. И завожусь с пол-оборота.

– Лера, Лерочка, – шепчу я хрипло. – Давай…

Предлагаю, отупело подбирая слова, вихрем вылетевшие из опустевшей башки.

Такое только с Лерой бывает!

Ни от кого так раньше не штырило, как от собственной жены. Желание накрывает с головой, отпуская на покой истерзанную душу. Дикая боль уступает место страсти, хоть ненадолго ослабляя мои страдания. Касаюсь губами шеи, щекочу языком за ушком. Задыхаюсь от желания, когда жена поворачивается ко мне. Прижимается всем телом, а затем, усевшись на мне верхом, ставит перед фактом:

– Сегодня я сверху!

Пятки крепко упираются в мои бедра, а жена постепенно набирает темп. Тяжелая грудь раскачивается в такт движению. А копна волос то и дело падает на довольное Лерино личико. Выгибаясь, она смахивает их в сторону. Лишь на секунду замедляет сумасшедшую скачку и снова ускоряется.

Меня, если честно, пробирает до самого ливера. Внутренняя дрожь нарастает, высвобождая из оков горя наслаждение и счастье.

Закрыв глаза, полностью отдаю себя в руки маленькой наезднице. Только она знает, как лишить меня остатков рассудка. Но стоит девчонке дойти до пика, резко переворачиваю ее на спину. Нависнув тенью, задаю ритм. Немного грубоватый и требовательный. Замечаю, как распахиваются глаза любимой.

– Скажи, – требую я, предчувствуя разрядку.

– Тима-а! – выдыхает жена порывисто.

С последним толчком падаю рядом. Увлекаю жену за собой, укладывая ее на себя. И это особый кайф.

– Ты обалденная, Лера! – признаюсь я, зарываясь пальцами в светлые волосы. И проваливаюсь в тревожную дрему.

И через пару секунд тощим пацаном уже бегу по нашей улице с Витей и Даном. Неожиданно оказываюсь в доме. Том, старом, что отец с матерью перестроили, когда я учился в старших классах. Влетев в маленькую, жарко натопленную кухню, зову маму. Но она куда-то вышла. Вбегаю в комнаты. Тоже нет!

Кричу. Зову ее.

И просыпаюсь от собственного стона.

– Тима-а, Тимочка, – встревоженно смотрит жена. – Тихо, миленький мой.

– Погоди, – укладываю Леру к себе на грудь. Жена тянется ко мне. Покрывает лицо поцелуями.

– Тимочка мой, – шепчет она нежно и решительно одновременно.

– Все нормально, – отзываюсь я эхом. Слегка прикусываю розовое ушко. И снова захлебываюсь от пьянящей близости.

Жена. Дочки. Больше и нет никого.

Морщусь от накатившей боли.

– Может, водички дать? – участливо спрашивает Лера. Косится на тумбочку, куда обычно ставит литровую бутылку воды. Но сегодня там пусто.

Надо бы кулер на этаже поставить, как просит жена. Но я все время забываю. То Анквист, то выборы…

Даже к матери в последний месяц выбирался нечасто. А может, она в себя приходила. Ждала. От этой мысли кровь стынет в жилах.

«Был бы проблеск сознания, тебе бы позвонили», – утешает меня внутренний голос.

– Тим? – тревожится жена.

– Я сам, Лерочка, – вздыхаю я, садясь на кровати. Устало тру лицо. Замираю на мгновение, пытаясь унять бьющие в висках молотки.

– Мне нетрудно, – поспешно заявляет жена. Смотрит так по-детски наивно и преданно.

Мотаю башкой, тяжело поднимаясь. Да и что объяснять?

В гостиной, примыкающей к кухне, окопался Богдан. А тут Лера моя, вся разгоряченная и в одной ночнушке.

И до греха недалеко!

Я, конечно, доверяю жене и лучшему другу, но и рисковать не собираюсь.

Лишнее это.

Натянув тонкие пижамные штаны на голое тело, плетусь вниз.

Зомби, блин!

В полутемной кухне свет падает от дворового фонаря. Делает предметы мягче, а что-то убирает с глаз долой.

Взяв с полки чашку, намытую Ольгой Владимировной, как дурак пялюсь на поблескивающий в полутьме золотой круг посреди синего кобальтового фарфора. Инстинктивно отставляю в сторону. Не хочу пить из посуды, которой касались недобрые руки.

Приоткрыв кран, жадно хватаю губами воду. Утираюсь ладонью, как когда-то в детстве, и будто наяву слышу мамино доброе и насмешливое:

«Босяк!»

Улыбаюсь сквозь слезы.

Твою ж налево, когда я плакал в последний раз? В пятом классе? Поспешно смаргиваю дурацкую влагу.

Мужчины не плачут. Но, честно говоря, на душе паршиво. Мамы нет. А ее чашки сегодня мыла чужая женщина. Кичливая и жеманная.

Такую бы отец с матерью даже на порог не пустили. Уж они-то разбирались в людях. А вот Лера им бы точно понравилась. Жаль, что так и не увидели внучек.

Сжав от бессилья зубы, тупо таращусь на слабо освещенный двор. Улыбаюсь печально, наблюдая, как мой пес таскает по дорожке какую-то тряпку. Прыгает рядом дурашливо. Тоже еще ребенок!

Кучу народа вчера пропустил спокойно. Даже тещу!

Наверное, ее нужно держать подальше от нашего дома. Но в душу уже закрадывается сомнение. Внутренне согласен с Лерой. Мне самому неприятна эта женщина. И приди она к нам вчера, точно бы послал подальше. А вот сегодня рука не поднялась.

Она ведь тоже мать! Глупо отказываться. И у девчонок должна быть бабушка. Может, стоит дать шанс. Потеряв одну, нет смысла разбрасываться другой.

Да и увидев наших девчонок, кто устоит?

Бесшумно поднимаюсь по лестнице. Вместо спальни прохожу в детскую. Комнату мягко освещает ночник, а под прозрачными пологами, увенчанными коронами, в своих кроватках спят мои принцессы.

Как бы я вывез, если бы не Лера и дочки?

Сзади открывается дверь. Босые ноги шлепают по паркету. Тонкие руки обвивают мою шею, а два упругих полушария вжимаются в спину чуть пониже лопаток.

– Вот ты где! А я жду…

– Какие же они классные, – киваю я на дочек. И не могу наглядеться.

Даже поверить сложно. Мы с Лерой создали двух идеальных принцесс. Если кто скажет, что это обычные девочки, сразу получит от меня в лоб!

– Зайчатки! – любовно тянет жена.

Наклонившись, на автомате касается губами лба Анечки, а затем Аленки.

– Они горят, Тима, – охает Лера, не веря. И добавляет требовательно: – Срочно вызывай Надю и врача!

6. Одиночество

Тимофей

Вертолет поднимается в воздух и постепенно становится маленькой точкой. Не отрываясь, смотрю, пока не исчезнет из виду.

– Поедем, – еле слышно просит за спиной Богдан. Переминается с ноги на ногу. – Завтра сложный день.

– Ага, – киваю я, не двигаясь с места. Ни сил, ни желания возвращаться в пустой дом, откуда внезапно вытекла жизнь.

«Только бы все обошлось!» – молю безмолвно. И снова прокручиваю в башке события этой беспокойной ночи. Даже я запаниковал, когда на термометре высветилось тридцать девять.

С какого хрена?

Думал, жену накроет истерика. А нет! Лера как-то быстро собралась с силами. Даже подгузники сняла с дочек. Какое-то лекарство выдавила в ротик каждой малышке.

А я тем временем дрожащим голосом просил Торганова помочь. Спросонья Витя долго не думал. Вызвал санавиацию и отправил мою семью в город, где врачи и оборудование лучше.

Я не спорю. Торганову виднее. Он и так всех на уши поднял.

Не выпуская из рук мобилу, с неохотой сажусь в Столетовскую тачку. Устало смотрю на темный экран айфона.

«Позвони мне, Лерочка», – прошу умолкнувшую на время трубку.

– Сейчас пока их примут. Пока девчонок твоих полечат. Лера же с места не сдвинется, пока опасность не минует. Повезло тебе с ней. И Щербинина рядом. Вовремя ты ее трудоустроил…

– Ага, – киваю я на автомате. Все будет хорошо. Знаю. Чувствую. Но пальцы предательски дрожат, а небо тяжелым пологом опускается над уснувшим городом.

На душе кошки скребут от безысходности.

– Завтра с утра к ним поеду, – цежу я негромко.

– Вместе и рванем, – соглашается мой верный друг и оруженосец.

«Лерочка, напиши, что надо. Завтра все привезу», – отбиваю сообщение жене. И снова напряженно пялюсь в темный экран телефона.

– Поспи, – просит Богдан, когда мы вваливаемся в дом. На кухне горит свет. Разбросаны какие-то вещи. Только собака дрыхнет, вытянув лапы. И мне самому хочется завыть от безысходности.

– Хочешь, бахнем успокоительного, – предлагает Богдан. Дурашливо трет коротко стриженый затылок. Глядит печально.

– Да ну? Завтра в город ехать, – усмехаюсь я криво. И тут же соглашаюсь: – Давай! Вискарь, кажется, остался.

В руках тренькает сотовый.

«Лера!» – спохватываюсь я. Но это звонит с отчетом Торганов.

– Там все нормально, Тима. Температуру сбили. Мне завотделением позвонил, отчитался.

– Какой диагноз? Я ничего не пойму, Витя… Они же здоровенькие были…

– Это же младенцы, братан. Там до года все очень хрупко, – вздыхает Торганов и хочет еще что-то добавить, как трубку у меня забирает Богдан и командует резко:

– Тор, быстро собрался и сюда. Мы тут бухать собрались.

Кошусь на часы, половина третьего.

Витя наверняка откажется. Но я ошибаюсь.

– Сейчас буду, – рапортует наш чистенький доктор. И через несколько минут уже вламывается в мой дом.

– Сначала тетю Розу помянем, – командует Богдан, разливая по стаканам жидкость цвета охры.

Витя задумчиво проводит ладонью по мускулистой широкой груди и вздыхает тяжко.

– Завтра голова болеть будет. Хорошо хоть, плановых нет…

И переводит усталый взгляд на меня.

– Не боись, Тима. Прорвемся!

Отмахиваюсь, поморщившись. Когда и чего я боялся! А у самого поджилки трясутся и сердце пропускает удар, стоит только подумать о дочках. Как там они?

– Давайте, пацаны, – хлопочет Богдан, доставая из холодильника нарезку, соленые огурцы и еще какую-то снедь.

Отрешенно наблюдаю за его расторопными действиями, а у самого на душе кошки скребут.

Не радует меня эта скатерть-самобранка. Обнять бы сейчас Леру. Прижать к себе, зарывшись носом в волосы. И хоть немного отвлечься от горестных дум. Мама… А тут еще девчонки заболели.

Телефон на столе не успевает даже звякнуть, как я стремительно подхватываю его.

– Да, Лерочка, – хрипло зову я в трубку.

– Тима, у нас вроде все нормально, – вздыхает жена. – Помощь оказали. Обошлось без ИВЛ. Но неделю продержат. Хотят посмотреть динамику…

– Ну если надо, – поднявшись из-за стола, отхожу я в гостиную. На автомате провожу подушечками пальцев по каминной доске. Утыкаюсь взглядом в фотографии. На одной родители. Уже пожилые, но веселые. А на другой – улыбаются дочки в одинаковых розовых комбинезончиках и таких же шапках с помпонами.

– Что ты делаешь? – тихонечко спрашивает жена.

– Смотрю фотки на камине, – признаюсь я как на духу.

– Завтра приедешь?

– Обязательно. Напиши, что нужно, и сама ложись, – прошу я ласково и добавляю тихонько: – Лер, я люблю тебя. И девчонок. Возвращайтесь скорее, а то я тут сдохну от тоски.

– Как врачи отпустят, – тянет в трубку Лера. – Только ты приезжай, Тима…

– Утром буду, – рапортую я решительно.

А вернувшись к столу, прошу:

– Надо маму помянуть, пацаны…

Огненная жидкость обжигает нутро, на раз выбивая слезу. Смаргиваю, вспоминая.

– Она же меня редко ругала… Даже за какие-то серьезные провинности.

– А помнишь, – улыбаясь, вздыхает Витя, – мы с тобой лет в семь читали книжку «Откуда берутся дети»?

– Ага, – подхватываю я, печально усмехаясь. – Отец тогда приехал из командировки, и я встретил его словами: «Ура! Папа приехал! Привез сперматозоидов!»

Ребята смеются негромко.

А я, потянувшись за куском копченого мяса, размышляю вслух:

– Интересно, что девчонки мои выдадут…

– Дети все перенимают от родителей, – глубокомысленно заявляет Богдан. – Вам с Лерой при дочках нельзя ругаться…

– Своих заведи, – огрызаюсь я без злобы и добавляю возмущенно: – Да мы и не ругаемся! С чего ты взял?

– Ну это пока, – глубокомысленно изрекает Столетов.

– Сейчас всеку, – предупреждаю с угрозой.

– А я на тебя в трудовую пожалуюсь. Скажу, что получил травму на рабочем месте…

– Деловой, – отмахиваюсь я шутя и добавляю серьезно: – Я хочу за вас выпить, пацаны. Вы у меня надежные друзья. Мама всегда говорила, что мы с вами не разлей вода…

– Это точно, – басит Дан и отвлекается на эсэмску.

– Кто ему там пишет? – кивает на озадаченного Столетова Витя.

– Да ладно, – отмахиваюсь я легкомысленно. – Должна же быть у человека личная жизнь!

И утром воспринимаю просьбу Дана остаться в Шанске как должное.

– Да, так будет лучше, – киваю я, выскакивая из дома. – Цветы закажи на завтра и в кафе договорись…

7. Совещания

Лера

– Слышала? – охает Надежда, стоит нам уложить девчонок спать. – В Шанске газовый баллон взорвался в жактовском доме. Судя по фоткам, где-то в районе комбината.

– Люди живы? – вскидываюсь я моментально. Железо, дома – все восстановимо. Главное, люди.

– Вроде один пострадавший, – неуверенно тянет Надежда. Вздохнув, добавляет сердито: – Уже работает прокуратура.

– Тима сегодня точно не приедет, – шепчу я печально. То газ взорвался, то подтопило дома около реки. Мэр на все должен реагировать. За то время, как мы с дочками попали в стационар, Морозов смог вырваться всего раз пять.

Усталый и небритый, приезжал к нам на пару часов. Каким-то чудом умудрялся проникнуть на лестницу, ведущую в отделение. Целовал наскоро меня и дочек и снова уезжал в Шанск, будь он неладен!

– Работа нервная, – соглашается Надежда. – Каждый день какие-то головняки.

– Не нужно было соглашаться, – бурчу я себе под нос. – Тима сам был не рад этой должности…

– Народ попросил, – отмахивается Надежда и, подскочив, несется к двери. – Слушай, мы же подгузники купить забыли. Я сейчас сгоняю, пока магазин не закрылся.

– Хорошо, – киваю я сумрачно. Свернувшись на кровати калачиком, смотрю на часы. Мне бы сейчас позвонить мужу. Только голос его услышать. Но Тимофей наверняка занят. Сейчас начнутся заседания и разбирательства.

Но пальцы уже открывают самый популярный контакт в моем телефоне. Легкое нажатие. Один гудок. И тут же слышу родной голос:

– Лерочка…Как вы там?

– Тима, у нас все нормально. А у тебя как… Мы с Надей в новостях смотрели…

– Вот сейчас еду в мэрию. Неправильная эксплуатация газовых приборов, – сообщает муж печально.

– А люди?

– Обошлось без жертв, слава богу. Никого в квартире не было. Но рвануло знатно. Уже следователи работают.

– Ты думаешь, кто-то специально?

– Нет. Навряд ли, – вздыхает устало Морозов и тут же переводит разговор на нас. – Я к вам сегодня собирался. Теперь фиг выберусь. Если что-то нужно, скажи, Дан привезет. Самому сейчас мне не выбраться…

– У нас все есть… А если что-то понадобится, в магазине купим. Тут рядом супермаркет… Ты же знаешь… – тараторю я, вытирая слезы. Так хочется сказать самое главное. Но Тим, как обычно, занят. Кругом люди.

Да и как признаваться в любви по телефону. Не видя глаз. Не чувствуя рядом родное дыхание. Уткнуться бы сейчас носом в грудь мужа. Обнять покрепче.

– Как ты? Как девочки? – тихонько спрашивает Тимофей.

– Вторые сутки температура нормальная, – рапортую я радостно. – Кушают хорошо. Но мы соскучились ужасно, – признаюсь, не выдерживая. – Домой хотим. К тебе.

– Я тоже скучаю. Хоть вешайся, – отрывисто бросает он. – Люблю тебя страшно. Мозги набекрень, Лера. Когда уже смогу вас забрать?

Голос мужа чуть хриплый. Требовательный.

– Врачи пока ничего не говорят, – сообщаю я горестно.

– Перестраховщики хреновы. И Торганов у них предводитель. На фига санавиацию вызвал? Здесь бы справились… Так и не поняли, в чем причина.

Морозов ворчит, а я, улыбаясь, вытираю слезы.

Муж – единственный мой защитник.

– Мама говорит, что это я детей на улице застудила, – жалуюсь я при удобном случае. Закатываю глаза. Немного добавляю голосу сарказма.

– Меньше слушай ее, Лера, – велит муж, не скрывая раздражения, и добавляет с усмешкой: – Твоя сестра устроилась в мэрию работать. Представляешь?

– Нина? – уточняю я обалдело.

– А у тебя еще есть какая-то? – тихо фыркает Тимофей.

– Не-ет, – тяну я и тут же кидаюсь в бой. – А зачем ты ее принял, Тима? Отказал бы… Она не умеет работать. Не хочет.

– Ее сразу видно, Лерочка, – устало смеется муж. – Но мне должность не позволяет. У нас вакансиями отдел кадров заведует. И Нина твоя теперь в канцелярии пашет. Ставит на письмах входящий и исходящий. Ответственная работа. Плюс владение языком…

– Каким? – охаю я. – Она даже английский не удосужилась выучить.

– Конверты заклеивает, Лера, – весело отрезает Тимофей и добавляет задумчиво: – Какие же вы разные с ней. Тебя точно не подкинули в детстве?

– Точно, – вздыхаю я напряженно. – Я похожа на папину маму. И была у нее любимой внучкой…

– Ладно, девочка, – прерывает меня решительно Тимофей. – Я приехал в контору. Вечером позвони мне…

– Целую тебя. Люблю, – шепчу я, утирая слезы.

И как последняя дурочка весь вечер поглядываю на часы. Позвонить? Или еще рано?

А когда в половине одиннадцатого хочу поговорить с мужем, в ответ раздается механический голос.

Абонент сами знаете где…

И через полчаса тоже. И через час.

Нервно закусываю губу. Пытаюсь совладать с собой. Но не получается. Фантазия сразу же рисует картинки одну хуже другой.

Вот в мужа выстрелил какой-то маньяк, и он лежит во дворе, а рядом бегает наш пес-обалдуй. Или Тимофей в нашей спальне с женщиной… Или еще хуже, с Ниной.

– Ложись спать, – шипит на меня Надежда. – А то как тень, Лера.

– Спи, я сейчас, – отмахиваюсь я неохотно и тут же набираю номер Дана. И снова слышу механический голос.

– Может, Вите позвонить, – предлагает Надежда, укладываясь в постель.

– Неудобно, – шепчу я, глядя на стоящие между нашими кроватями люльки.

– Да никуда твой Тима не денется. Не тот человек, – роняет Надя и как обычно начинает делиться воспоминаниями. – Вот помню в пятом классе…

О-о-о! – хочется заорать мне. И я снова звоню мужу.

– Да, слушаю, – слышится недовольный голос.

– Тима, мы же собирались созвониться…

– Я занят. У меня совещание.

В трубке раздаются гудки. А меня пробирает дрожь недоверия.

Ну какое совещание в половине двенадцатого ночи?!

«Освободишься, напиши», – печатаю я трясущимися пальцами. Даже тошнота подступает от страха.

Эсэмска так и остается непрочитанной. И я даже не знаю, как реагировать.

Рассказать о своих подозрениях Наде? Так весь Шанск будет знать. Посоветоваться бы с кем-нибудь…

Но только у меня даже подруг нет. Одна я. В целом мире одна.

«Что ты хотела?» – неожиданно приходит сообщение.

«Ты где? Все нормально?» – пишу я, силясь не разреветься.

«Совещание было в СК», – печатает муж.

Выдыхаю, стараясь успокоиться.

«Пусть это будет правдой! Пожалуйста!» – прошу высшие силы, закрывая глаза.

8. Подозрения

Лера

Из городского стационара нас забирает Богдан. Что-то рассказывает дорогой о трудной доле главы Шанской администрации.

– ОБЭП от нас не выходит. Дроздов-сука, гадит, – жалуется дорогой.

«Ну да… Ну… да!» – вздыхаю я тайком. Стараюсь не выдать подозрение и отчаяние. Как жить с таким багажом? То совещание в полпервого ночи, то проверки. Все одновременно? Так не бывает!

Но я и не прошу многого. Мне бы увидеть Тимофея. Согреться в его руках.

Но муж приезжает домой поздно. Устало обнимает меня. Улыбаясь, смотрит на дочек.

– Ну слава богу, вы дома, – вздыхает он довольно. На автомате ест наспех приготовленный мною ужин. Отбивные, пюре, селедка с лучком. Не изыски высокой кухни. Но я старалась!

Всматриваюсь в небритое лицо мужа, печальные глаза. Цепляюсь взглядом за новую черную рубашку. Жадно слежу за каждым движением Тимофея. И желаю лишь одного. Оказаться сейчас в объятиях этого крепкого мужчины. Ощутить вкус его губ. Вдохнуть до боли знакомый запах сильного тела.

Мой! Никому не отдам!

Морозов ест молча. Меланхолично терзает ножом отбивную на маленькие кусочки. Задумчиво отправляет их в рот и словно не замечает меня.

– Вкусно? – спрашиваю я с надеждой.

– А? – переспрашивает Тимофей и тут же добавляет поспешно: – Очень вкусно, Лерочка.

Но сам будто не здесь!

– Дел полно, – морщится он недовольно. – Зря я на себя этот хомут нацепил. Но уже поздно пить Боржоми…

Убирая грязные тарелки, киваю понимающе. Наливаю клюквенный морс в низкий прозрачный стакан с толстыми стенками и искривленными ребрами.

– Это же посуда для виски, – с легким недоумением усмехается Тимофей. Отхлебывая напиток, добавляет довольно: – Вкусно. Ты сама варила? А где клюкву взяла? У нас вроде не было.

– Ага, – тараторю я радостно. – В городе заезжали с Богданом в супермаркет. Я продуктов набрала.

– А девчонки? – лениво интересуется муж.

– В машине спали. С ними Надя сидела. А мы с Богданом быстренько затарились. Вот мясо купила на отбивные. Селедочку…

– Молодец, – отстраненно замечает Морозов. Оставив полупустой стакан, тянется к ноутбуку, лежащему на подоконнике. И открыв крышку с надкусанным яблочком на борту, утыкается в экран с серьезной миной.

«А как же я? – хочется заорать от отчаяния. – Мы же две недели не виделись, Тим! Дико соскучилась по тебе».

Но вместо этого просто мяукаю, пересаживаясь поближе:

– Какие-то проблемы?

Тотчас же попадаю в кольцо мускулистых рук.

«Ты этого хотела! – напоминает слегка кровоточащее сердце. – Все хорошо. Тимофей рядом».

«Все не так! – надсадно воет душа. – Он к тебе изменился. Стал равнодушен».

И словно в подтверждение моих слов, муж поспешно чмокает меня в макушку. Руки, только что дарившие мне тепло и уверенность, ложатся на клавиатуру. А сам Тимофей внимательно вчитывается в пришедшее в Телеграм сообщение.

– Потом, Лерочка, – роняет он наскоро и полностью сосредотачивается на таинственном собеседнике.

И это все? За две недели разлуки?

«Не мешай человеку, Лерка!» – проносится в голове голос матери.

– Ладно, – киваю я печально.

Обидно ужасно!

Мою посуду, глотая слезы. И все жду от Тимофея хоть какой-то реакции. Но муж словно не видит меня. Что-то читает внимательно. Быстро пишет ответ.

«А я? Тима, а как же я?» – хочется заорать от отчаяния.

– Спокойной ночи, – роняю я, выходя из кухни. На ватных ногах плетусь к двери.

– Лер, погоди, – останавливает меня Тим. Лениво поднимается из-за стола. В полшага оказывается рядом. – Ты чего? – смотрит внимательно. Сильные пальцы нежно скользят по моей щеке. Останавливаются на подбородке, слегка прижимая его. – Лера-а, – выдыхает Морозов, склоняясь с поцелуем. – Иди ложись. Я еще немного посижу и приду.

– Хорошо, – улыбаюсь я, смаргивая слезы. Обняв мужа, утыкаюсь лицом ему в грудь. – Тимочка мой, – в диком порыве обхватываю его лицо ладонями. Покрываю небритые щеки-поцелуями.

В душе мгновенно растворяется ком обид и подозрений.

Мы вместе! Мы – семья!

Получив легкий шлепок по попе, радостная несусь наверх. Муж любит меня. Все хорошо. Хорошо.

Первым делом отправляюсь в душ. Стою под теплыми струями в предвкушении жаркой ночи.

– Тима-Тима, не пройди мимо! – напеваю я, расчесывая волосы. Завернувшись в банное полотенце, выхожу в спальню.

Пусто. Муж еще не появлялся. Немного коробит. Но это же пустяки. Правда?

«Вот и хорошо! – решительно обрываю я стон разочарования. – Еще есть время приготовиться».

На цыпочках бегу в гардеробную. И выудив новую красную ночнушку, купленную незадолго до болезни дочек, внимательно смотрю на тонкую сетку и кружево. Такая вещица не скрывает, а выставляет напоказ.

Но это сейчас то, что надо!

Улыбаюсь плотоядно, словно истинная жрица любви.

Морозову должно понравиться!

Осторожно заглядываю в детскую. Девчонки спят. Муж вот-вот придет.

А что еще надо для счастья?!

Подойдя к зеркалу, снова разглядываю себя. Накручиваю на палец послушные волосы и улыбаюсь довольно.

Хороша!

«Муж, ну где же ты?» – зову мысленно. И проверив радио-няню на тумбочке, падаю в постель. Накрываюсь одеялом чуть ли не с головой. Вдыхаю аромат свежего белья. И задыхаюсь от томления.

– Тима, я жду, – бурчу я недовольно. Вздохнув нетерпеливо, ворочаюсь в постели. Провожу ладошкой по гладкому сатину. И пытаюсь представить себя со стороны.

Красивая женщина в красном лежит на белоснежных простынях.

«Может, раскрыться?» – Представляю, как Морозов входит в спальню и застывает обалдело. Убрав в сторону одеяло, переплетаю ноги, выгибаюсь дугой. Красное кружево выгодно подчеркивает грудь. А сетка скрадывает небольшой животик. Замираю в странной позе, увиденной на странице глянцевого журнала. И снова прислушиваюсь.

Тишина!

Никто не бежит по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Не врывается в спальню. Не прыгает в кровать с разбега.

«Не спешит он ко мне. Что могло произойти за две недели?» – спрашиваю я себя и не нахожу ответа.

Умерла свекровь. Мне бы быть рядом с мужем в такой момент. Поддержать. Просто обнять. Но судьба распорядилась иначе. Никто не виноват… И так переволновались за девчонок.

И сейчас бы кинуться друг к другу…

«Спи уже», – приказываю я себе. Спина покрывается колючими мурашками. Да и все тело дрожит от озноба. Замерзла и не заметила! Накрывшись одеялом, словно попадаю в теплое облако. Утыкаюсь носом в подушку.

Вот что он там делает, а?

Подскочив с кровати, трясущимися руками надеваю халат. Голой ступней нащупываю шлепки, разлетевшиеся в разные стороны. Один нахожу сразу. А второй…

Ладно! Некогда искать!

Откинув в сторону тапок, несусь босиком к лестнице. Неслышно спускаюсь вниз. Даже сама своих шагов не улавливаю.

Заглядываю в кухню, слабо освещенную подсветкой. На столе все так же стоит ноутбук. А рядом пепельница и кофейная чашка. Улавливаю легкий запах кофе и сигарет.

Морозов курит? Никогда не видела!

Замираю лишь на мгновение, любуясь мускулистой фигурой мужа. Вытянув ноги и положив голову на спинку дивана, Тимофей с кем-то разговаривает по телефону. Внимательно слушает собеседника. Глаза прикрыты, а губы постепенно разъезжаются в довольной улыбке.

– Я постараюсь, Ань. Правда! – заверяет он кого-то полушепотом и добавляет лениво: – Но и ты не продинамь меня, ладно?

9. Мама

Лера

– Что-то ты неважно выглядишь, – роняет мама, расставляя на столе чашки и тарелки. Деловито режет принесенный из кондитерской мясной пирог.

Залив заварку кипятком, кошусь угрюмо. Знаю наперед, что заботой тут и не пахнет. Сейчас последует какая-то гадость. Мне бы сгруппироваться и отразить отпор, но я не успеваю даже подумать, как мама тяжело вздыхает.

– И майку эту смени. Смотреть тошно. Тебе же розовый не идет, Лера. Ты в нем свинку Пеппу напоминаешь…

Задыхаюсь от горькой обиды.

– Уходи, – шепчу я, глотая слезы. – Слышишь? Уходи и больше к нам не возвращайся!

– Так-то ты с матерью, Лера, – поджав губы, кивает мама. Укладывает пирог обратно в коробку. – Мы с Ниночкой поедим, – произносит решительно.

И окинув меня презрительным взглядом, заявляет:

– Думаешь, если за мэром замужем, так тебе все дозволено? Но я так тебе скажу, Лера… Ты в этом доме долго не задержишься. Выкинет тебя Морозов за ненадобностью или в служанку превратит. Ты на себя посмотри, клуша! И на него. Думаешь, влюбился он в тебя. Ага! Как же…

Мать шипит, не скрывая ненависти. А я таращусь на нее обалдело и даже слова вымолвить не могу.

– Тимофей любит меня и дочек, – выдыхаю я, собравшись с силами. Голос звенит от уверенности.

– Утешься этой мыслью, – отмахивается от меня мама. – Развестись он с тобой не разведется, наверное. Такую вторую дуру еще сыскать надо. А таскаться будет. Вернее, он же и так от тебя гуляет.

– Что? Да кто тебе сказал?! – выкрикиваю я в отчаянии.

– А мне и не нужны чужие сплетни. Собственными глазами видела. Я ж не такая дура, как ты…

Мама укладывает пирог в пакет и демонстративно шествует к выходу.

– Бред какой-то! – теряя остатки сил, опускаюсь я на край табуретки. – Ты врешь… Все ты врешь!

– Нет, к сожалению. Хочешь, у Нины спроси, – передергивает плечами мама. – Ты когда с девочками в больнице лежала, тут к Морозову забегала одна…

– И кто же? – спрашиваю я, не скрывая сарказма. Умом понимаю, что это все чушь. Не станет Тимофей приводить в дом посторонних женщин.

Это же Шанск! Сарафанное радио быстро разнесет по городу сногшибательную новость. Сразу все местные кумушки примутся обсуждать новую пассию мэра. Тимофей этого никогда не допустит.

Во-первых, дорожит своей репутацией, а во-вторых – действительно любит нас.

Закусываю губу, вспоминая, как пару недель назад, в ночь нашего возвращения домой, мы выясняли с Морозовым отношения.

Вернее, я пыталась поругаться, а муж, сграбастав меня в охапку, нежно чмокнул мой нос.

– Я думал, ты спишь…

– Без тебя не могу, – признаюсь как на духу. Обвив руками мускулистый торс, заглядываю в уставшее лицо мужа. – Ты почему спать не идешь… Я ждала…

– Да с Аней Аркелиди надо было перетереть, – прижимает меня к себе Тимофей. – Там в Дашином деле столько подтасовок. Литвин, конечно, скотина бешеная…

– Ты им поможешь? – выдыхаю я с надеждой. А с души сваливается огромный булыжник.

Аня – Аркелиди, слава тебе, господи!

– У нас с Анькой взаимозачет, – хрипло смеется муж. В глазах веселятся озорные чертики. – Я ее консультирую и свожу с нужными людьми, а она, раз все равно застряла в наших краях, подменит меня в конторе. Пока я тут мэрствую.

– А она здесь надолго решила остаться?

– Да-а, придется, наверное. Литвин, сучий потрох, уперся рогами. Вернее, даже не он, а его мамаша… – Пальцы мужа скользят по моей шее, губы безошибочно находят эрогенную зону за ухом. – Пойдем спать, Лер, – выдыхает Морозов. – Устал я как собака. Измучился тут без вас…

Всхлипывая, кидаюсь мужу на шею. Реву, внезапно осознав, какая я дура.

– Лер, да ну что ты, – бормочет Тима, подхватывая меня на руки. А я, растворившись в его объятиях, забываю обо всех своих подозрениях.

И сейчас с недоверием смотрю на маму. Она, конечно, не врет. Но скорее всего, ошибается.

– Рот закрой, – устало вздыхает мама. Решительным жестом возвращает обратно на стол пирог и велит мне: – Садись уже. Сейчас расскажу.

Тяжелым кулем опускаюсь на стул. Тупо смотрю, как она наливает в чашки чай. Кладет мне на тарелку кусок пирога.

– Мутный твой Морозов, – смотрит она в упор. – Тебе лапшу на уши вешает. А сам девок водит…

– Нет, – мотаю я головой. – Ты ошибаешься…

– Ну конечно! У тебя мать дура, а муж просто золото, – едко замечает она, разворачивая шоколадную конфету. Аккуратно откусывает кусочек. Жует тщательно. И сделав небольшой глоток, шепчет вкрадчиво: – Мы же с Ниной его видели, Лера! Сюда к нему девка приезжала. Из калитки такая деловая выскочила. А он ее нагнал. Прижал к черному внедорожнику и принялся целовать прямо посреди улицы.

– А потом?

– Она уехала. А Тимофей твой в дом зашел. В старом красном пуховике был. В тапках на босу ногу…

На автомате мешаю чай. Даже сахар в чашку положить не удосужилась. Тупо таращусь на жидкость цвета охры. Безотчетно кладу дольку лимона. И все пытаюсь сообразить, что мне делать с этой информацией?

На огромном черном внедорожнике ездит Анна Аркелиди. Но чтобы Тимофей бегал за ней и целовал на улице? В жизни не поверю.

– Девушку можешь описать? – заикаясь спрашиваю я мать.

– Невысокого росточка. На огромных каблуках. Блондинка с длинными волосами. Очень модно одета… Знаешь на кого похожа? На Милочку Старшинову!

Во взгляде матери явно читается торжество.

– Я говорила, – произносит она вкрадчиво.

А мне остается только молить бога, чтобы у маминой истории имелось хоть какое-то объяснение.

На Милу Старшинову похожа только одна женщина в Шанске. И это Анна Аркелиди.

«Нужно спросить Тимофея, – мелькает среди охватившего ужаса одна здравая мысль и тут же ее заглушают другие. – Так он тебе и сознается! Опять наврет с три короба!»

10. Улика

Закрыв дверь за матерью, прижимаюсь лбом к холодному оконному стеклу. Наблюдаю, как она деловито спешит по дорожке. Не оглядывается. Будто от чужих уходит. Через силу отлепляюсь от окна. Бреду на второй этаж к дочкам.

Малышки спят как зайчики. Им невдомек, какая беда свалилась на наши головы.

Тимофей и эта зараза Аркелиди!

Аж зла не хватает!

Вспоминаю, с каким упоением о любовнице мужа рассказывала мне мама. У нее даже глаза светились от счастья.

«За что же ты меня так ненавидишь?» – вздыхаю я по привычке. Вопрос риторический. На него нет и не будет ответа. Как дочка – давно уже свыклась. Как мать двоих детей – отказываюсь понимать.

Конечно, мама могла и наврать. Но сейчас я верю каждому ее слову. Она понятия не имеет, кто такая Аня Аркелиди. Не знает, какая у нее машина, а все описала в точности. Да и старую Тимину куртку тоже никогда не видела. Она с зимы в кладовке висит.

Хотя с другой стороны, зачем Морозову надевать пуховик в мае? Бегать за Аней по улицам и целоваться на виду?

Странная история. Ничего не понимаю!

«Может, спросить у соседей? – вздыхаю я, перебирая детские вещички, и тут же обрываю себя. – Ты в своем уме, Лера? Мало тебе позора?»

На автомате мну в руках розовые ползунки с мишками. Порывисто отбрасываю их на пеленальный столик. И прижав холодные ладони к пунцовым щекам, тупо гляжу на нарядные одежки дочек.

Для семьи все самое лучшее, Тима, неужели? Любишь нас, правда? Или это образ такой. Порядочный мэр-семьянин! Сплошная показуха и лицемерие. А на деле…

Я же верила каждому слову! Радовалась, что встретила своего принца. А выходит, Юнона Петровна была права.

Тимофей как гулял, так и продолжает. Дочек не отобрал и на том спасибо!

Вытирая слезы, усмехаюсь горестно. Морозов на мне женился по необходимости. Ни свадьбы, ни нормальной регистрации. Обещает. Говорит о любви. Но он же адвокат. И этим все сказано.

С трудом переставляя ноги, плетусь в спальню и, упав на постель, пытаюсь сообразить, как поступить. Уехать бы подальше. Никогда больше не встречаться с Морозовым!

«Вряд ли получится», – вступает в диалог трезвый рассудок.

Тимофей не позволит забрать дочек. Он только с виду мягкий. Но если задеть за живое, вцепится как клещ.

Обняв подушку, тупо гляжу в потолок. Душу сводит от резкой боли. Нутро скручивает судорогой. Даже дышать не могу от отчаяния. Сейчас бы заорать во весь голос. Вломиться в мэрию и потребовать от мужа объяснений.

Давай, расскажи, гад!

Вытирая слезы, усмехаюсь горько. Во всей красе представляю скандал в мэрии и заголовки в желтой прессе.

«Мэра Шанска в кабинете избила жена!»

Свернувшись калачиком, утыкаюсь носом в подушку и улыбаюсь печально. Скандал и дома можно устроить. Разбить бы об голову любимого пару тарелок. Заорать в голос от отчаяния и боли.

Но умом понимаю – это не выход. Морозов вывернется и еще меня обвинит в инсинуациях. Нет, нужно молчать. Никому ни слова. И обязательно найти работу. Пусть даже удаленку.

Резко подскакиваю с кровати. Аж голова кружится. Схватив с комода сотовый, лезу на ХэдХантер. Вбиваю «Переводчик с китайского». И как только вываливается список, внимательно вчитываюсь в каждое предложение.

Нет, всякое мне подойдет. В первом случае нужно постоянно сидеть в офисе, а в остальных не указана зарплата и в перечне предпочтений стоит стрессоустойчивость и ненормированный рабочий день.

Зато в двух других есть возможность работать он-лайн! Отправляю резюме и, заслышав кряхтение в детской, бегу к дочкам.

– Ты чего такая? – настороженно бросает Надежда, заходя следом.

– Какая такая? – усмехаюсь я, не собираясь вдаваться в подробности.

– Взъерошенная и сердитая, – улыбается Надежда, доставая из кроватки Аленку.

– Дремала, – сообщаю я натянуто, беря на руки Анечку. – Голова разболелась.

– От Ольги Владимировны и у меня мигрень начинается, – насмешливо признается Надежда. Усаживается с малышкой в кресло. Дает ей соску. Маленькие пальчики деловито обхватывают бутылочку.

– Маман давно отчалила? – спрашивает Надежда, не скрывая любопытства.

– Чай попили, и ушла, – замечаю я равнодушно. А у самой на душе кошки скребут.

Прикладываю Анечку к груди. Всматриваюсь в улыбающееся детское личико. И меня отпускает.

Девочки мои маленькие! Солнышки мои! Мама выстоит. Обещаю.

Да и отец Морозов хороший. Или тут тоже вранье и работа на публику? Сердце снова сжимается от обиды. А кровь закипает от злости. Пока мы с детьми лежали в больнице, Тимофей тут развлекался. Смаргиваю слезы, предательски заполонившие глаза. И изо всех сил пытаюсь сосредоточиться на дочках.

Я справлюсь. Просто должна. Полетала немного в розовых облаках. А теперь добро пожаловать на землю.

Ношу Аленку столбиком. Глажу по спинке. Жду, когда выйдет воздушек. А сама мысленно окидываю дом придирчивым взглядом.

Где они тут…

В нашей спальне или в гостиной? А может быть, в бане?

– Я сейчас… Побудь с ними, – уложив малышек на коврик, прошу я Надежду.

Со всех ног несусь вниз.

В нашу спальню Морозов не привел бы любовницу. А вот баньку точно проверить нужно. Наверняка в комнатах Тимофей ликвидировал все улики. Он перед нашей выпиской клининг вызывал, кажется. А вот в сауне и в бассейне могло что-то остаться.

Размышляю на ходу и сама себе противна от дурацких мыслей.

Что же это я как ищейка!

Замираю около двери, обитой грубыми дубовыми досками, словно перед чертой. Войду – и жизнь точно разделится на до и после.

«Возвращайся к детям! – молит чуйка. – Остановись!»

Отметая глупые страхи, делаю шаг. Жить в неведении и закрывать глаза на измены мужа я точно не желаю. Не хочу я так!

Или по любви, или врозь! Лучше одной с двумя детьми, чем с мужем-предателем. Еще одну семью, где меня не любят, я не вынесу.

На ватных ногах прохожу в предбанник. Осторожно ступаю по идеально подогнанной лакированной вагонке. Вдыхаю запах дерева, смешанный с пряными благовониями.

«А ведь мы тут когда-то с Тимофеем… – вспоминаю неожиданно. – Может, он так всех через баню пропускает?»

Закусываю губу, стараясь не разреветься.

Внимательным взглядом пробегаюсь по всем поверхностям. Нервно сглатываю, чувствуя как из глубины души поднимается отвращение к самой себе.

Стыд! Самый настоящий стыд!

Мне бы выйти… Забыть об этой злосчастной бане! Сосредоточиться на дочках и будущей работе.

Но ноги сами несут меня в парилку. Тупо смотрю на чистенькие полки, и в глазах темнеет, стоит представить два обнаженных тела…

«Уходи! Уходи сейчас же!» – вопит чуйка.

Но что-то удерживает. Как во сне медленно разворачиваюсь к выходу. Залипаю взглядом на приборной доске, висящей на стене. Часы, термометр, барометр. Все собрано на одной панели. Провожу пальцем по золотым ободкам и сложным узорам. Очень красиво.

Свекор делал. Тимофей рассказывал. И аж весь светился от гордости.

«Что же ты так, Тима? – упрекаю я мысленно мужа. Безотчетно шмыгаю носом и неожиданно замечаю тонкий русый волос, зацепившийся за шероховатый край деревянной обшивки. Явно длиннее моих, и оттенок отдает рыжиной.

«Кто ищет, тот всегда найдет?» – усмехаюсь горько.

Вот только как жить теперь? Знать правду и молчать? Или устроить Морозову королевские разборки?

Но какой от них толк? Отношения выясняют с одной целью. Хотят их продолжить.

А я?

Не прощу. Не смогу жить во лжи и двуличии. Я, еще когда из дома уходила, поклялась.

Сжимаю кулаки инстинктивно. И вздрагиваю, услышав сзади шаги. Вздрагиваю, словно меня застали на месте преступления. И вылетев из парилки, нос к носу сталкиваюсь с Богданом Столетовым.

– Ты чего здесь? – бурчит он недовольно.

11. Опрос свидетеля

Лера

– Ничего! – роняю я впопыхах. Вылетаю из баньки, будто за мной черти гонятся. И вбежав в кухню, застываю на месте.

Что теперь делать? Что?

Выбор невелик.

Терпеть мужнины гульки и жить в достатке? Или собрать немногочисленные пожитки и свалить?

В груди закипает злость. Пальцы сами сжимаются в кулаки. Как ты мог, Тима?

– Лер, – раздается сзади настороженный голос Столетова. – Ты чего такая?

– Ничего. Я же сказала… – огрызаюсь я на ходу. Тоже мне, надсмотрщик выискался!

Как фурия взлетаю в детскую. Только метлы не хватает!

И увидев дочек на развивающих ковриках, выдыхаю. Тренькает незамысловатая детская песенка, звенят погремушки. И на душе сразу становится легче. Только где-то на сердце давит камень. Больно. Очень.

– Можно, я сегодня раньше уйду? – просит Надя и поясняет поспешно: – Витя меня в ресторан пригласил.

– Свидание? – улыбаюсь я через силу.

– Ой, от Торганова дождешься! – весело отмахивается Надежда. По лицу лишь на секунду пробегает обиженая гримаска.

Видимо, наш Виктор Петрович не спешит жениться. Завидный жених Шанска номер два. Тот еще красавчик!

– Да у него коллеги с женами приезжают. Вот и просит составить компанию.

– А ты?

– Ну хоть вместе время провести. Он же вечно занят. Как твой Морозов!

«У этого на все время найдется!» – Сердце затопляет неведомая доселе ярость. Тяну губы в улыбке, стараясь не выдать себя. Боюсь разреветься. Выдать свою боль, затопляющую душу и убивающую кровяные тельца.

– Ага! – усмехаюсь я недобро. – Один Столетов – вольный художник.

– Ну не скажи, – встает с коврика Надя. – Дан у нас герой. Когда участковым работал, многим помог. А потом с начальством поругался и даже из города уехал.

– Бывает, – передергиваю я плечами.

Ложусь на ковре рядом с дочками. Будто слепая, на ощупь веду ладонью по вышитым на коврике зверушкам.

Пальцы натыкаются на выпуклую фигуру на толстых ногах и с хоботом. Слон. А дальше пушистое облако на тонких ножках. Овечка.

Дочки весело сучат ножками, словно бегут куда-то. Потом переворачиваются, как по команде. И подняв головки, взирают на нас с Надеждой с любопытством.

Смешные! Любимые!

– Я с вами, мои хорошие, – шепчу я, укладывая руку под голову.

– Со дня на день поползут, – радостно сообщает Надежда. – Вот тогда точно начнется веселье.

– Мы с Тимой решили загородку перед лестницей поставить. Есть такие модели с калиткой…

Осекаюсь на полуслове. Ну какие «мы с Тимой»?

Морозов, сволочь, что же ты наделал?

– Все. Убежала, – машет от двери Надежда.

– Пока-пока, – роняю я на автомате.

Аленка снова переворачивается на спинку. Крепенькой ручкой дотягивается до самой ближней игрушки. Дергает ее. Маленькая обезьянка подпрыгивает, приводя в движение остальные игрушки. Дергает хилыми ножками котик. Трепыхаются птички. Старшая дочка смеется радостно. А ее младшая сестричка смотрит с интересом.

– А теперь ты, доченька, – перевешиваю я чуть ниже по дуге собачку. Анечка смотрит на меня внимательно. Затем повторяет за сестрой каждое движение.

«Какие же они разные! – размышляю я, наблюдая за дочками. – Нужно Тиме вечером рассказать…»

Обрываю себя. Как же! Тиме!

Больно ему интересно!

И неожиданно ловлю себя на простой до безобразия мысли.

Пока мы живем под одной крышей, все наши отношения сведутся к быту и детям.

Пусть так. Пока.

Простить Морозова все равно не смогу. И развод уже дело решенное.

Пульс бьется как сумасшедший. Руки дрожат. И честно говоря, хочется позвонить мужу и заорать: «Я все знаю!». Потребовать объяснений.

Жена я или не жена?

«Погоди, – останавливает меня здравый смысл. – Ты цепляешься за косвенные признаки. Остановись. Понаблюдай. Правда все равно выплывет. Да и куда ты сейчас подашься с двумя детьми? Кто подставит плечо? Наде платить придется. А мать и сестра не в счет…Подумай!»

Можно переехать в квартиру на Моторной. Район мне знакомый. Да и с соседями там хорошие отношения. Даша съехала. А маме с Ниной квартира не подошла. Далеко от центра, видите ли!

«Точно! Даша!» – словно железной гирей бьет по голове.

Подскакиваю с пола под удивленные взгляды дочек.

– Я с вами, маленькие, никуда не уйду.

Схватив телефон, судорожно ищу нужный контакт.

– Даш, привет! – лениво тяну я в трубку.

– Ой, Лера! – звонко отзывается Дарья. – Как хорошо, что ты позвонила! Я хочу вам с Тимофеем передать гостинцы. Мне мама сушеных белых грибов прислала и брусничное варенье. Вы такое едите?

– Спасибо, Даша! Ну конечно! – восклицаю я поспешно. – Кто ж не ест такую вкуснятину!

– Тогда я завтра с Аней пришлю. Она ко мне приедет документы подписать. А на обратном пути вам завезет.

– Погоди, – пытаюсь я сообразить. Даже лоб тру от усердия. – Какая Аня?

– Да наша, – смеется Дарья. – Аркелиди! Она же в Шанске теперь живет.

– Странный выбор, – с трудом перевариваю я новости. – Аня из Москвы. У нее там контора своя. И муж вроде…

– А в Шанске любовник, – весело сообщает Дарья. – Вот они там спелись. Та-а-ка-ая любовь!

– А кто? – охаю я порывисто. Голова идет кругом. Тут все, оказывается, давно налажено. Наверняка весь город знает. Одна я в неведении.

– Точно не знаю, Лер, – смеется Дарья. – Кто-то из окружения твоего мужа… Очень крутой мэн.

– Ничего не знаю, – стараюсь я казаться веселой. Но голос предательски дрожит.

– Морозова спроси, – заговорщицки предлагает Даша. – Потом мне расскажешь. Интересно же. Я за нее рада очень. Девчонка хорошая. А в личной жизни невезуха. Сейчас хоть глаза загорелись. А то ходила унылой амебой.

– Хорошо, – мямлю я сквозь слезы. – Ждем от тебя посылку…

– А ты чего звонила? – спохватывается Даша.

– Просто поболтать, – отзываюсь я на автомате. И откинув в сторону сотовый, кулем опускаюсь на пол.

Вот еще одно подтверждение! Это не просто случайный перепихон. А связь…

Рядом слышится кряхтение и возня. Смаргивая слезы, обалдело смотрю на подползающих близнецов. Снова всхлипываю. Теперь уже от вселенского счастья.

И подхватив дочек на руки, утыкаюсь носом в маленькие макушки.

– Мамины умнички, – шепчу я, не таясь слез. В порыве бьющего через край восторга хватаю трубку и сразу отправляю сообщения. Мужу. Надежде.

«Они поползли!»

«Вау!» – тут же приходит ответ от нашей нянечки. А Морозов молчит, хотя и в сети.

«Он занят. Еще ответит», – пытается образумить меня здравый смысл.

«Нет, – усмехаюсь я горько. – Если человек в он-лайне, это еще ничего не значит. Просто он не желает с тобой говорить».

12. Комбинат. Чтоб ему!

Тимофей

«Они поползли!»

Восторженное сообщение от Леры приходит во время совещания по судьбе комбината.

– Руководство представило нам результаты исследований, – бодро рапортует глава комитета экологии. – Все данные в пределах нормы…

– Только при условии, что комбинат не работает, – роняю я негромко. Но подчиненные ловят каждое мое слово.

Приходится обдумывать каждое предложение. Любую фразу тут же вырывают из контекста и постят все кому ни лень. От блогеров до солидных изданий.

Шаг вправо, шаг влево – сплошная засада.

Ясен пень, главный эколог уже положил в карман увесистый сверток. Поэтому и тараторит деловито и слегка нервно.

Мэр у нас новый, из дурачков. И так схвавает.

«Эх, дядя-дядя, – усмехаюсь я, оглядывая худого мужичка в золотых очках и костюмчике от Армани. – Взять-то ты взял. И сейчас чувствуешь себя самым умным. Думаешь, обведешь меня, как пацана, вокруг пальца. Ты и старше, и мудрее…Вроде бы. Вот только нервишки шалят. Ох, шалят нервишки! И выдают тебя с потрохами».

Слушаю вполуха сбивчивый доклад, а сам кошусь на сообщение жены. И больше всего желаю повернуть время вспять: отказаться раз и навсегда от дурацкой должности и жить спокойно. Любить жену. Возиться с дочками. Строить линию защиты для нормальных мужиков и выигрывать процессы. А тут…

Сплошное болото и нервотрепка.

– Хороший результат, – киваю я неторопливо. – А какие мероприятия проводились для его достижения? Владельцы намерены использовать старое оборудование? Или проведут модернизацию?

– Тимофей Сергеевич! Ну какая модернизация! У них же одни убытки! – разводит руками эколог. – Мы сами делали замеры. Все пришло в норму.

– Какой сейчас уровень загрязнений? – интересуюсь я лениво.

Слабо звякает эсэмэска. Наверняка, Лера прислала видюшки. Вот бы посмотреть. Но даже потянуться не могу. Не имею права. Существует регламент. Сам подчиненных гоняю и тоже обязан придерживаться.

– А что у нас с Копыловым? – вспоминаю я заказавшего меня урода. – Нашли?

– Ищем, – пожимает плечами главный полицейский города. – Думаем в Интерпол подавать.

– Только думаете? – усмехаюсь я нехорошо.

А когда совещание заканчивается, звоню секретарю.

– Светлана Ивановна, мне бы чаю и бутер какой-нибудь…

– Так сейчас в столовую позвоню. Девчонки обед принесут. Что заказать, Тима… Тимофей Сергеевич, то есть?

Откинувшись на спинку кресла, улыбаюсь довольно. Светлана Ивановна, тетя Света, – наша бывшая соседка.

– А что у нас подают сегодня? – спрашиваю я, потирая переносицу. Голова раскалывается с самого утра. Лера предлагала таблетку выпить, а я, дурак, отказался.

– Есть борщ, котлеты, лапша куриная и люля… тоже куриные…

– Давайте, борщ и котлеты, – решаю я со вздохом.

Если есть столовскую еду, пусть даже и в администрации города, то только что-то немудреное. Золотой стандарт, так сказать.

Повесив трубку, тянусь к сотовому. Улыбаясь смотрю на мелких. Поползли они, куклы маленькие. Аленка впереди, а Анечка чуть отстает. Но она ведомая. Это с первых дней понятно.

Губы растягиваются в улыбке, стоит только подумать о дочках. Я на них налюбоваться не могу! Каждое утро смотрю как завороженный на двух совершенно идеальных принцесс. И даже самому не верится, что это мы с Лерой умудрились их заделать.

Жена!

Усмехаюсь, лишь на минуту выдергивая из памяти наш утренний перепихон.

«Наездница моя», – вспоминаю довольно. И тут же перед глазами встают упругие шары, раскачивающиеся, словно два фантастических маятника… Ткань боксеров моментально натягивается самым непотребным образом, стоит только образу моей обнаженной жены предстать перед глазами.

Лера, девочка… Чокнуться можно, как от тебя накрывает!

– Тимофей Сергеевич, губернатор… – испуганно хрипит по селектору Светлана.

– Соединяй, – встряхиваюсь я от игривых мыслей. Мне только стояка на рабочем месте не хватало.

– Да, Юрий Эдуардович, – деловито подхватываю трубку.

Морщусь недовольно. Наверняка какая-то очередная фигня приключилась. Великий губер всея области так просто не звонит мэру Мухосранска.

Какого произошло?

Сейчас погнать домой к Лере и дочкам… Но, видать, не судьба. Даже на сообщения Леры не удосужился ответить.

– Ты там совсем сдурел, Морозов! – рычит губер. – Почему комбинат до сих пор не работает? Мне тут из Москвы звонили… Товарищи интересуются…

Канцелярит режет слух. Блин, сколько лет прошло. Сменилось десять раз руководство. А чиновники так и продолжают вещать кондовым номенклатурным языком, как при дорогом Леониде Ильиче.

– Так выбросы загрязняющих веществ превышают все допустимые нормы. Согласно федеральному закону… – кошусь я на вплывающую с подносом Светлану.

Недовольно морщусь, стоит только запаху общепита попасть в нос.

Еда чертовски отвлекает от сердитой выволочки губернатора. Да и жрать хочется.

Вот сейчас договорю…

– Не умничай, Морозов! – обрывает меня губер, возвращая в реальность. – Отзывай запрет. Пусть люди работают. Я сказал.

– То есть вы берете на себя всю ответственность? – уточняю я спокойно. Беседа начинает меня забавлять.

– Ты совсем там чокнулся? – рявкает собеседник. – Я тут каким боком? Хочешь меня под статью подвести? Не выйдет!

– Тогда пусть люди сначала проведут модернизацию… – успеваю я вставить, как на меня обрушивается потом отборной матерной брани.

– Да ты охудел там, что ли?! Я кому говорю!

– Мы работаем по закону, Юрий Эдуардович, – напоминаю я вежливо.

– Ну я понял, – раздраженно рявкает трубка раздраженным басом. – Нормальные слова до тебя не доходят. Не захотел по-хорошему…

– То есть, вы считаете взрыв моего автомобиля и покушение на жизнь двоих людей нормальным аргументом в беседе? – просыпается во мне адвокат.

– Вот умеешь ты, Тима все перевернуть, – устало вздыхает губер. Видимо, понимает, что любая оговорка может принести неприятности. Лично ему.

– Нам нужен новый собственник на комбинат, Юрий Эдуардович, – замечаю я вкрадчиво. – Цивилизованный человек… Который вложит бабки в нормальную очистную систему.

– Да где ж его взять? – бурчит недовольно губер. И не прощаясь, вешает трубку.

А я уныло смотрю на покрывшийся жиром холодный борщ и остывшие котлеты.

– Согреть? – заглядывает в кабинет Светлана.

– Будьте добры, – киваю я задумчиво.

Встав из-за стола, медленно подхожу к окну. Засунув руки в карманы, лениво обвожу взглядом городскую площадь. Тупо таращусь на невысокий постамент, где еще три месяца назад стояла елка. И мы с Лерой покупали золотой шар. А потом торжественно несли его в машину.

Смешные пингвины!

Улыбаюсь, чувствуя, как по нутру разливается теплое умиротворение.

Лера. Моя жена. И дочки.

«Благодарю за них, Господи!» – шепчу я, подняв глаза к сизому заплаканному небу.

– Все готово, Тимофей Сергеевич, – рапортует за спиной секретарь. Снова выставляет на стол тарелки.

Вдыхаю запах наваристой снеди. Аж рецепторы щекочет от голода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.